

Если бы это не было так хлопотно, Луань Чэн сбегал бы в ближайшую типографию, чтобы распечатать новый бланк. Но он писал с таким нажимом, да еще и гелевой ручкой, что любая попытка исправить — будь то корректор или зачеркивание — оставила бы грязные следы. «Королева» Лю за такое точно бы устроила разнос. Но сдавать в таком виде — это напрашиваться на еще большие неприятности.

В итоге Гу Цинхуай аккуратно вырезал испорченный кусок лезвием, нашел похожую бумагу, переписал задание своим каллиграфическим почерком и ювелирно вклеил заплатку. Луань Чэн даже придумал оправдание: мол, ел фрукты, сок капнул, бумага размокла и порвалась, когда вытирал, пришлось менять кусок.

Поскольку это была обычная домашняя работа, а не экзамен, Лю Даньна обычно не придиралась к оформлению, лишь бы ответы были верными. Луань Чэн был уверен: проскочит. Но он недооценил зоркий глаз Лю Даньны...

Она узнала почерк Гу Цинхуая. В 3-м классе было несколько учеников с хорошим почерком, но такого идеального, как у Гу, не было ни у кого. Узнаваемость была стопроцентной.

Лю Даньна вызвала обоих в учительскую. Проверяя работу и не поднимая головы, она спросила Луань Чэна: — Эту работу тебе Гу Цинхуай помогал оформлять?

Луань Чэн отпираться не стал: — Учитель, как вы догадались?

Лю Даньна ткнула ручкой в место склейки: — Ты когда-нибудь был настолько аккуратным? Приклеено стык в стык, сразу видно — не твоя работа.

Она отложила ручку.

— Ну, рассказывайте, что между вами происходит?

Луань Чэн опасливо оглядел кабинет. Убедившись, что других учителей нет, он осторожно пробормотал: — А что происходит?

Даже если Гу Цинхуай помог ему починить листок, что это доказывает? Максимум — крепкую мужскую дружбу. Луань Чэн не горел желанием совершать каминг-аут перед «Королевой». Однако Лю Даньна перевернула страницу, которую Гу «препарировал», и показала обратную сторону второго листа. Прямо под тем местом, где была вырезана дыра на первой странице, она слегка заштриховала бумагу простым карандашом. На сером фоне четко проступили вдавленные буквы: «Каково это — иметь заносчивого парня-отличника?»

Лю Даньна несильно постучала по этой строчке: — Луань Чэн, твоя привычка давить на ручку до хруста костей никуда не делась. Отпечаталось идеально. А уж твой «куриный» почерк я узнаю из тысячи.

Луань Чэн: «...»

Гу Цинхуай: «...»

— Не нервничайте, я не кусаюсь. Садитесь, — Лю Даньна указала на стулья. — Ну и как давно это у вас?

— Да... не очень давно, — ответил Луань. — Учитель, почему вы в полицию не пошли работать? С такой дедукцией и физической подготовкой — вы просто клад для органов. Хотя китайский и

литература у вас тоже отлично выходят...

— Если бы я пошла в полицию, как бы я тогда находила розовые пузырьки любви в школьных тетрадках? Ну вы даете, ребята. — Она в шутку ткнула ручкой сначала в Луаня, потом в Гу. — Родители в курсе?

— Моя семья знает, — ответил Гу Цинхуай.

— Мой отец тоже, — добавил Луань. — Позавчера даже ужинали вместе.

— И отец ничего не сказал? — Лю Даньна была искренне удивлена.

Не то чтобы она считала Луань Хао деспотом, но обычно отцы в таких ситуациях ведут себя как подожженный пороховой склад. Случай Гу — особый, там родителей считай нет, но Луань Хао — человек ответственный и серьезный.

— Нет. Папа сказал: главное, чтобы учеба не страдала, — Луань Чэн не мог сдержать довольной улыбки.

— Ладно, раз так, я лезть не буду, — Лю Даньна вернула тетрадь. — Но одно условие: оценки должны идти в гору. Не смейте из-за любви завалить учебу. Это я тебе, Луань Чэн, говорю. У тебя под боком «бедро» отличника — хватайся за него крепче, не каждому так везет с репетитором.

— Кхм, понял, учитель. Буду грызть гранит науки, — Луань Чэн свернул тетрадь в трубочку, сияя от счастья. — Мы можем идти?

— Идите. И ведите себя скромнее в коридорах, — напутствовала Лю. — Гу Цинхуай, присматривай за ним, он у нас парень ветреный.

— Не волнуйтесь, учитель, — Гу тоже был в хорошем настроении. Они один за другим вышли из кабинета.

Лю Даньна услышала, как закрылась дверь, и грустно улыбнулась. На самом деле Гу и Луань были не первой парой геев, которых она учила. Но, кажется, они были самыми счастливыми. По крайней мере, на данный момент. Она о чем-то задумалась и надолго погрузилась в молчание.

— Эй, сосед, ты сейчас сказал, что твоя семья знает. Когда это ты успел им сказать? — любопытствовал Луань Чэн по дороге в класс. Он не видел, чтобы Гу кому-то звонил.

— Ты разве не в курсе? — удивился Гу.

— В каком смысле? — Луань Чэн не сразу сообразил. — Я спрашиваю, когда твои родственники об этом узнали?

— Когда ты узнал, тогда и они, — Гу Цинхуай приобнял его за плечи. — Разве ты не член моей семьи?

— Я... Ну конечно! — Луань Чэн огляделся по сторонам. — Ну ты и мастер закручивать фразы!

— Это ты у нас тугодум, — Гу отпустил его, когда они вошли в класс. — Давай тетрадь, я

соберу.

Луань Чэн, вспомнив про карандашную штриховку на обороте, усмехнулся: — Ладно, забирай.

Чжоу Пэн обернулся к ним: — Чего «Королева» хотела?

— Да ничего особенного, — отмахнулся Луань Чэн. — Сказала, чтоб я держался за «бедро» отличника и учился прилежно.

Чжоу Пэн фыркнул: — Ага, так я тебе и поверил!

Луань Чэн усмехнулся: «Не веришь — и не надо, призраки тебя дери, учи давай».

Для учеников школы Шэнъян жизнь состояла из бесконечной череды проверочных работ: большой экзамен каждые пять дней, маленький — каждые три, а в свободное время учителя норовили отобрать час самоподготовки, чтобы устроить еще один тест. Сейчас все жили лишь надеждой на праздник Дуанью — три дня выходных, когда можно было наконец выбраться погулять.

Луань Чэн уже всюду размышлял, куда бы сводить Гу Цинхуая. Все-таки это был его родной город, и он знал здесь каждый закоулок.

Пока Гу Цинхуай приводил в порядок конспекты, Луань Чэн передал ему записку: «Поедешь со мной домой на Дуанью?»

В этом месяце у них намечались промежуточные экзамены, поэтому ежемесячную аттестацию отменили. Экзамены начинались двадцать пятого числа и длились два с половиной дня, после чего наступали каникулы до тридцатого.

Луань прикинул, что к тому времени бабушка уже должна вернуться. Позвать Гу к себе он хотел по двум причинам: во-первых, вместе отметить праздник, а во-вторых — попробовать починить «Золотую цикаду в нефритовой чаше». Бабушка писала, что нашла чашу, но ее состояние оставляет желать лучшего. Луань надеялся, что раз его «священная энергия» смогла восстановить персиковый меч и нефритовый амулет-тыкву, то и с чашей он справится.

Он пока не говорил об этом Гу Цинхуаю — боялся, что если ничего не выйдет, тот слишком сильно расстроится. Но сам втайне верил в успех.

Гу Цинхуай ответил на записке: «Посмотрим на твои результаты. Если завалишь — с каким лицом я покажусь твоим родным?»

Луань Чэн вздохнул: резонно. Нужно хотя бы соответствовать доверию и пониманию, которое проявил его отец.

Через пару дней одноклассники заметили, что Луань будто озверин проглотил. Раньше он учился неплохо, но только по точным наукам, а на гуманитарных кис. Теперь же всё изменилось — какая-то неведомая сила гнала его вперед. Трудные задачи по физике он разбирал с Гу Цинхуаем, а для гуманитарных предметов Гу составлял для него специальные конспекты: аккуратные, четкие, где были выжаты только самые важные темы.

Несколько раз ребята пытались одолжить эти тетради, но Гу Цинхуай всем отказывал, говоря, что они уже заняты.

Луань Чэн трясся над этими записями как над сокровищем. В школе он их почти не доставал — листал только дома в свое удовольствие. Ему было немного стыдно за такую жадность, но он ужасно боялся, что тетради помнут или испачкают. У его парня был такой красивый почерк, что любая клякса казалась Луаню преступлением.

Только Чжоу Пэн знал правду и подкалывал друга: — Ну ты и жмот, Луань!

— Имею право! — огрызнулся тот. — Завидуешь молча.

— Мы вообще друзья или как?! — возмутился Чжоу Пэн.

Луань Чэн, не краснея, отвечал: — Друзья. Но теперь ты в моем рейтинге на втором месте.

Чжоу Пэн был готов разрыдаться от обиды. Но против «идеального парня» Гу Цинхуа он был бессилён. Тот был просто воплощением совершенства: высокий, красивый, отличник, с каллиграфическим почерком, да еще и заботливый до крайности. На обедах Гу отдавал Луаню лучшие куски мяса и постоянно подкармливал его вкусняшками. Однажды Чжоу Пэн случайно увидел, как Гу Цинхуа протянул Луаню горсть орехов макадамия — уже очищенных от скорлупы!

Это было просто... невыносимо! Почему у него нет такого соседа по парте?!

Чжоу Пэн покосился на своего соседа Хэ Яна, который усердно грыз гранит науки. Раньше на месте Хэ Яна сидел другой парень, но тот не выдержал запаха не всегда свежих носков Чжоу Пэна и попросил учителя о пересадке. А староста Хэ Ян, желая быть поближе к Гу Цинхуа, чтобы набраться у него ума-разума, как раз занял освободившееся место.

Почувствовав взгляд, Хэ Ян обернулся: — Что?

— Ничего, — вздохнул Чжоу Пэн. — Просто сравнение ранит. Учись давай.

Хэ Ян пожал плечами и, доделав тест по математике, обратился к Гу: — Гу Цинхуа, я тут застрял на последней задаче. Если ты не занят, можешь объяснить ход решения?

Это был урок физкультуры, но из-за близости экзаменов учитель разрешил остаться в классе. Большая часть ребят занималась самоподготовкой.

Гу Цинхуа в школе был неразговорчив, и мало кто решался к нему подойти. Но благодаря Луаню он сносно общался с Чжоу Пэном и Хэ Яном. Он молча взял ручку и начал объяснять задачу.

Чжоу Пэн тоже вытянул шею, чтобы послушать — задача была действительно зубодробительная. И только Луань Чэн занимался своим делом: пока все смотрели в тетрадь, он смотрел на Гу...

«Черт, какой же у меня парень красавчик!»

Закончив объяснение, Гу обернулся к нему: — Ты те вопросы по литературе выучил?

Луань Чэн мгновенно «схлопнул» взгляд и уткнулся в учебник.

После того случая с преследователями Луань какое-то время опасался новых нападков, но так как ничего не происходило, он постепенно успокоился. Теперь вся его жизнь вращалась вокруг учебы и Гу. Типичный день: учиться с парнем, смотреть на парня, есть еду, приготовленную

парнем, и вместе ходить в школу.

Вечером они, как обычно, возвращались в учительский дом. На лестнице Гу проверял его знания, называя короткие фразы на вэньяне, а Луань переводил их на ходу, бормоча под нос как заведенный.

У двери квартиры, пока Гу возился с ключами, Луань продолжал отвечать, но едва они переступили порог, он не выдержал и нетерпеливо прижал Гу Цинхуая к стене. Его движения были порывистыми, а глаза сияли:

— Эй, сосед, я сегодня всё выучил без единой ошибки. Полагается мне за это награда?

Гу Цинхуай кашлянул и указал глазами за спину Луаня. Тот обернулся, и у него едва челюсть не отпала:

— Бабушка?! Вы когда вернулись?

Гу осторожно отстранил Луаня: — Здравствуйте, бабушка.

— Давно уже, — ответила старушка. — Бай Ю мне дверь открыл.

По вечерам, когда парни были на самоподготовке, Бай Ю и Мин Юэ иногда уходили из школы, чтобы побродить по городу или присмотреть за домом. Увидев бабушку, они впустили её. Всё-таки «свои люди», не оставлять же её в коридоре.

Луань Чэн внимательно посмотрел на бабушку. Она немного загорела, но выглядела бодрой.

— Бабушка, вы только приехали? Вас кто-нибудь встретил?

— Тетя Лян меня подвезла. Сама она уже уехала домой. Ну, как вы тут? Ой, Сяо Чэн, ты что, поправился?!

Луань потрогал щеки: — Да ладно?!

Сам он изменений не замечал.

— Поправился-поправился, — прищурилась бабушка. — У тебя же экзамены на носу, неужели совсем не устаешь?

Луань призадумался: а ведь и правда не устает. Нагрузка выросла, но у него был мощнейший стимул. К тому же Гу Цинхуай его просто закармливал деликатесами.

— Ну всё, можешь не отвечать, я и так вижу, в чем дело, — бабушка перевела взгляд на Гу. — Сяо Гу, в твоём состоянии есть какие-то изменения?

— Заметных нет, но силы Хань Чэндуна продолжают слабеть, — ответил Гу, наливая бабушке воды. Сердце у него замерло. Бабушка ездил за чашей, и сейчас наступил момент истины. По её виду трудно было сказать, хороши новости или плохи.

— Чашу я нашла, — бабушка достала из полотняного мешочка предмет. — Но сейчас от неё толку мало. Золотая цикада пропала.

Она поставила на стол чашу из нефрита. Но камень был тусклым, «мертвым», а сбоку виднелся скол. Старушка долго искала способы починить её в своей поездке, но безуспешно.

Гу Цинхуай посмотрел на чашу. На его лице не отразилось разочарования. Видимо, он понимал, что шансы найти артефакт в идеальном состоянии ничтожны. Что он чувствовал внутри — знал только он сам.

— Бабушка, — вдруг подал голос Луань Чэн. — Я же говорил вам про свою энергию. Персиковый меч и амулет-тыква были почти разрушены, но я их восстановил. Может, моя энергия поможет и этой чаше?

— Починить-то можно, но одной починки мало, — вздохнула бабушка. — Нужна Золотая цикада. Она поглощает священную энергию и энергию зла, а нефритовая чаша удерживает их, не давая рассеяться и сохраняя баланс. Только так можно долго подпитывать и возвращать душу. А сейчас цикады нет. Даже если чаша будет целой, без достаточного количества духовной силы она бесполезна.

— И что делать? — спросил Луань Чэн. — Обязательно нужно её найти?

— Да, но о её местонахождении ничего не известно. Бабушка, как только нашла чашу, принялась расспрашивать всех знакомых из мира оккультизма, но никто не знал, куда делась цикада. Известно лишь, что последним владельцем целого артефакта был даос Жо Фань. Но этот старый монах словно сквозь землю провалился — никто не знает, жив он или мертв.

— А если цикаду не найдут, но кто-то сможет её заменить? Так пойдет? — Луань Чэн указал на себя. — Бабушка, посмотрите на меня. Я впитываю энергию, питаю артефакты... Чем я не Золотая цикада?

В глазах старушки блеснул огонек. Она задумчиво посмотрела на внука:

— Сяо Чэн, хорошенько вспомни... когда ты был маленьким, с тобой случалось что-нибудь странное?

<http://bllate.org/book/16943/1578848>